

Исторический вестник. 2023. Т. XLVI

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.004

Е.М. Копоть

«РОССИЯ ИМЕЕТ В СИРИИ НЕМАЛОВАЖНЫЕ ИНТЕРЕСЫ...»: ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НА ПОСТУ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА В БЕЙРУТЕ К.Д. ПЕТКОВИЧА (1869–1896)

Происхождение

К.Д. Петкович родился 28 августа 1824 г. в знатной болгарской семье в местечке Башино Село на р. Вардар в трех километрах от г. Велес (совр. республика Северная Македония)¹. Для получения образования он был отправлен в Россию и в 1842 г. поступил в Ришельевский лицей в Одессе. После его окончания с отличием 21 августа 1847 г. был зачислен на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1851 г. К.Д. Петкович успешно закончил *alma mater* «по разряду Общей словесности». Во время учебы участвовал в составлении болгаро-русского и русско-болгарского словарей. Профессора В.И. Григорович и И.И. Срезневский выделяли его способности и возлагали на него большие надежды в качестве филолога-слависта. В канун Крымской войны он посещает Прагу, Белград, Загреб, Солунь, Афонские монастыри, интересуясь древними памятниками славянской письмен-

¹ *Никодимова Г.* Три документа, свързани с жизненіе път на българския възрожденец Константин Петкович // *Езиков свят — Orbis Linguarum.* 2018. № 1. С. 97–101.

ности. После начала войны молодому слависту пришлось возвратиться в Россию и поступить на дипломатическую службу. «...Обстоятельства завлекли меня не в ту карьеру, для которой я готовил себя», — писал он своему учителю И.И. Срезневскому². По Высочайшему повелению от 20 октября 1853 г. К.Д. Петкович был определен на службу по ведомству Министерства иностранных дел с утверждением в чине коллежского секретаря. После начала военных действий находился в Бухаресте при дипломатической канцелярии главнокомандующего армиями, занимаясь переводами с болгарского, валашского, сербского языков и перепиской с пограничными сербскими начальниками, а «кроме того, исполнял некоторые секретные поручения»³. Одной канцелярской деятельностью его служба не ограничивалась. В 1853 г. «во все время осады в Силистрии находился при Главной Квартире и был посылаем при отрядах в окрестности сей крепости»⁴.

При отступлении русских войск из Дунайских княжеств состоял в качестве переводчика при командовавшем арьергардом генерал-адъютанте И.Р. Анреп-Эльмпте. По прибытии Главной квартиры в Кишинев находился при генерал-адъютанте А.Н. Лидерсе, а потом был командирован в Черновицу и Новоселицу, где оставался 5 месяцев для телеграфной переписки.

Принял присягу на подданство России 23 марта 1855 г. С конца августа 1855 г. по 24 апреля 1856 г. находился при дипломатической канцелярии Южной армии в Одессе, откуда по распоряжению МИД (18 апреля 1856 г.) был командирован в Бессарабию в Комиссию по разграничению России и Турции. После окончания войны приказом министра иностранных дел от 6 апреля 1857 г. был назначен секретарем генконсульства в Рагузе (Дубровник). 27 апреля 1857 г. К.Д. Петкович был пожалован орденом Святого Станислава 3-й степени. Он довольно быстро продвигался по службе. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 24 июля 1858 г. К.Д. Петкович назначен исполняющим должность консула в Рагузе, а 8 января 1859 г. приказом по министерству иностранных дел утвержден в этой должности⁵.

² Цит. по: Горбунова Н.М., Смилянская И.М. Российский дипломат и исследователь Ближнего Востока и Балкан К.Д. Петкович // Восточный архив. 2008. № 18. С. 28.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 159. Оп. 464/1. Д. 2613. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3 об. — 4 об.

На период с 1859 по 1869 г. падает его наибольшая научная активность в сфере славистики⁶.

Из славистов в арабисты

В начале 1869 г. после конфликта с черногорским правителем Николаем I Негошем, К.Д. Петкович был переведен на должность генерального консула в Бейруте, где началась его беспрецедентно долгая 27-летняя сирийская служба, которая закончилась 5 декабря 1896 г. за год до смерти. Увлеченный славист уже во второй раз имел все основания сказать, что обстоятельства «завлекли» его не в ту карьеру, к которой он себя готовил.

Таковы основные вехи его биографии. В существующей отечественной историографии К.Д. Петкович представлен как выдающийся дипломат и исследователь Ближнего Востока, в основном благодаря работе Н.М. Горбуновой и И.М. Смилянской⁷, а также брошюре правнучки дипломата Е.Б. Гончаровой⁸. Привлечение документов Российского государственного исторического архива, Архива внешней политики Российской Империи, Отдела рукописей РНБ, Российского государственного военно-исторического архива, хронологически охватывающих весь период службы К.Д. Петковича в Бейруте (1869–1896 гг.), позволяет существенно дополнить эту сухую характеристику. Кроме того, предлагаемая работа имеет целью впервые ввести в научный оборот ранее не использовавшиеся тексты консульских донесений как самого К.Д. Петковича, так и свидетельства ряда выдающихся фигур русского присутствия на Православном Востоке (М.А. Черкасовой, митрополита Герасима (Яреда), В.Н. Хитрово и др.).

⁶ Петкович К.Д. Исторический очерк сербской православной общины в Рагузе // Русская беседа. М., 1859. № 3. Кн. 15. С. 1–20; Петкович К.Д. Черногорец Марко Мартинович, обучающий русских бояр (присланных Петром Великим в Венецию) мореплаванию и политическим наукам // Морской сборник. 1863. № 6; Путешествия из Вены в Москву в 1665 г. / Пер. с серб. К.Д. Петковича // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9.

⁷ Горбунова Н.М., Смилянская И.М. Российский дипломат и исследователь Ближнего Востока и Балкан К.Д. Петкович // Восточный архив. 2008. № 18. С. 27–34.

⁸ Гончарова Е.Б. Мой прадед К.Д. Петкович: просветитель, дипломат, исследователь славянских стран и Ближнего Востока. СПб., 2013. 39 с.

Константин Дмитриевич Петкович

Болгарская призма сирийского вопроса

Ключевым вопросом российской дипломатии в сиро-ливанском регионе были отношения с православным населением, сосредоточенным в рамках Антиохийской православной церкви. Как справедливо отмечает К.Д. Петкович, «главные опоры и основы нашего влияния на Востоке составляли и составляют еще православие и православные. Где этих основ не имеется, там мы чувствуем себя изолированными и не имеем под собою надежной материальной почвы. Замечено не раз, что православные на Востоке, отступая от православия, делаются жестокими врагами России и усерднейшими приверженцами Запада»⁹. Вторая половина XIX в. для сирийского православия прошла под знаком двух тенденций: греко-арабского противостояния и угрозы распространения протестантизма и католичества. Российские диппредставители зачастую выступали в роли непосредственных участников внутренней жизни патриархата¹⁰. В связи с этим взгляды российского дипломата имели ключевое значение. Важным фактором являлось этническое происхо-

⁹ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 445 об. – 446.

¹⁰ Например, по поводу участия К.М. Базили в выборах патриарха Иерофея в 1850 г. Порфирий (Успенский) отмечал: «Антиохийский Патриарх Иерофей, бывший архиепископ Фаворский, избран старанием Синайского архиепископа Константия и нашего консула Базили» (Порфирий (Успенский), арх. Книга бытия моего. Ч. IV. СПб., 1886. С. 309–310).

ждение генерального консула. Если уроженец Константинополя, сын эмигранта, приговоренного к смертной казни, — К.М. Базили¹¹ — нашел в России «новое отечество», но не забыл о том, что он грек, и явно благоволил высшей фанариотской иерархии во главе с Вселенским патриархом (по его настоянию выбор антиохийского патриарха происходил в Константинополе, а не в Дамаске), то болгарские корни К.Д. Петковича не замедлили о себе знать еще до его прибытия к месту службы. Назначение Петковича на должность состоялось в эпоху нараставшего греко-болгарского противостояния, завершившегося в 1872 г. Константинопольским собором, орос которого объявлял болгарскую церковь схизматической и обличал в ереси филетизма.

Поэтому неслучайно, что летом 1869 г., едва ступив на ливанский берег, К.Д. Петкович, видный деятель болгарского возрождения, имел готовую матрицу для решения спорных вопросов между высшей греческой иерархией Антиохийской церкви и ее арабской частью. В отличие от К.М. Базили, симпатии нового консула были всецело на стороне арабов. В 1869 г. конфликтом, волновавшим весь патриархат уже не одно десятилетие, была проблема замещения вакантной кафедры бейрутской митрополии.

Только направляясь к месту новой службы, К.Д. Петкович «имел случай встретиться в Сирийских портах со многими из духовных лиц и старшин Православных Арабов и говорить с ними о церковной распре»¹². Не успев еще как следует познакомиться со сложными перипетиями левантйской жизни, К.Д. в донесении поверенному в Константинополе Е.Е. Стаалю 18 июня 1869 г. заявлял: «Причины распри *такие же, какие и в Болгарии* (курсив мой — Е.К.): все единогласно жалуются на Патриарха, считая его виновником глубокого невежества, в каком находится ныне духовенство, и жалкого состояния Православия в Сирии...»¹³ Перспективы конфликта рассматривались им также через «болгарскую призму»: «Общее сочувствие арабского духовенства и народа к стремлениям Бейрутской Общины в распре ее с Антиохийским Патриархом может легко расширить границы местного церковного вопроса и сделать из Бейрутского обще-сирийский церковный вопрос *наподобие*

¹¹ Константин Михайлович Базили (1809–1884) — российский консул (1839–1843), генконсул (1843–1856) в Бейруте.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 39. Д. 67. Л. 14 об.

¹³ Там же. Л. 14 об.

Болгарского (курсив мой — Е.К.)...»¹⁴ При этом симпатии консула-славянофила были явно не на стороне греческого патриарха. По его мнению, уладить распрю можно было лишь «устранением всяких поводов к раздражению, а главное, удовлетворением со стороны Его Блаженства справедливых желаний и требований Православных Арабов»¹⁵. Спустя месяц взгляды молодого консула только укрепились: «Сирийский церковный вопрос, возбужденный по поводу избрания Бейрутского Епископа и с некоторого времени начинающий сильно занимать и волновать умы Православного Арабского народонаселения, объясняется и оправдывается, *подобно болгарскому церковному вопросу* (курсив мой — Е.К.), двумя главными причинами: крайним пренебрежением высшего греческого духовенства к духовным и материальным интересам Православных Арабов и пробуждением чувства народности в сих последних...»¹⁶ Всю ответственность за сложившуюся ситуацию он возлагал на греческую иерархию патриархата (невольно давая в том числе и оценку деятельности К.М. Базили, способствовавшего возведению на престол патриарха Иерофея): «Высшее Греческое духовенство в Сирии, не имея ничего общего с местным народонаселением по своему происхождению и языку, смотрит на свою паству как на предмет, доставляющий доходы, заботится главным образом об изыскании средств к увеличению этих доходов, и не только не принимало никаких мер для заведения школ и распространения просвещения между православными сирийцами, но даже, видимо, старалось держать низшее туземное духовенство и народ в глубоком невежестве, считая такое состояние вернейшим ручательством к удержанию в крае своего господства. Эта система, поддерживаемая и теперь Патриархом Иерофеем, привела к тому, что туземные священники как в селах, так и в городах, люди совершенно безграмотные...»¹⁷ Тем больше было удивление консула, когда перед ним постепенно открывалась картина внутренних конфликтов бейрутских нотаблей, стремившихся поставить под контроль *вакуфные*¹⁸ имущества самой состоятельной митрополии, используя для этого знамя борьбы с эллинской ксенократией, и «которые, к несчастью, не все руководятся

¹⁴ Там же. Л. 14–14 об.

¹⁵ Там же. Л. 14 об.

¹⁶ Там же. Л. 24.

¹⁷ Там же. Л. 24–24 об.

¹⁸ Вакф — согласно исламскому праву, имущество, доход с которого полностью или частично идет на цели благотворительности. В мусульманских государствах вакфы учреждались и христианскими жертвователями.

бескорыстными целями и побуждениями в деле об избрании Бейрутского епископа»¹⁹. В конечном итоге болгарину на русской службе пришлось быть арабом больше, чем сами арабы: «Я постарался свидеться с главными лицами общины и убедить их отставить в сторону всякое личное мелочное честолюбие, проникнуться общими интересами церкви и народности...»²⁰

Спустя 20 лет пребывания в Леванте, отношение К.Д. Петковича к православным арабам, которых он в известной степени идеализировал на заре дипломатической карьеры, значительно трансформировалось. В 1891 г. он уже не видел в их движении восстания народного духа, подобного болгарскому: «Из патриарших выборов, продолжавшихся в Дамаске столько месяцев и подавших повод к разным соблазнам не только для Христиан, но и для Мусульман, можно вывести следующую мораль: что Греки и греческие Епископы тверды и настойчивы до крайности в преследовании своих целей, и что в этом они не останавливаются ни перед какими средствами. Православные же Арабы, как старшины, так и Епископы, напротив, оказываются незрелыми, шаткими и не способными возвыситься до сознания высших церковных и народных интересов. Понятие об общем благе, о личном самоотвержении не находит места в их сознании. Они руководствуются скорее минутными впечатлениями, своекорыстными соображениями и выгодами и интересами — настоящими, а не будущими. Нельзя сказать, чтобы такие нравственные качества составляли вообще отличительную черту арабской расы, потому что арабы-мусульмане и христиане других исповеданий вовсе не похожи в этом отношении на православных»²¹. Всю меру ответственности за такое состояние сирийцев он по-прежнему возлагал на греков: «Следует поэтому признать, что дурные качества православных Сирийцев происходят от их воспитания, или, лучше сказать, от недостатка всякого образования и воспитания, а в этом виноваты Патриархи Греки, заинтересованные в том, чтобы держать в глубоком невежестве как духовенство, так и народ»²². Интересно, что полстолетия назад первый российский генконсул в Бейруте грек К.М. Базили видел корни зла там же, где и К.Д. Петкович, но без акцента на национальном вопросе. Как следует из письма К.М. Базили А.Н. Муравьеву от 28 мая 1841 г.:

¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 39. Д. 67. Л. 28 об.

²⁰ Там же. Л. 30–31 об.

²¹ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 113. Л. 144–144 об.

²² Там же. Л. 145.

«... Чем короче знакомлюсь с делами края, тем сильнее убеждаюсь в том, что главный источник бедствий Церкви в Сирии — невежество духовенства и его нерадение о духовном воспитании народа»²³.

Начальное образование как основа формирования идентичности занимало важное место в размышлениях всех, кто погружался в жизнь Леванта. К.Д. Петкович отмечал тесную связь между низким уровнем просвещения и сокращением православной паствы патриархата: «Школьное дело в пределах Антиохийской православной Патриархии вообще находится в самом плачевном и безнадежном состоянии, а вследствие этого и само православие находится в большей опасности, чем когда либо, ибо оно, предоставленное самому себе (православные Сирийцы вообще), без надлежащей поддержки и защиты со стороны высшей духовной власти, не в силах бороться с католиками, униатами и протестантами, располагающими огромными средствами и отличающимися необыкновенным рвением и настойчивостью в деле пропаганды. Невежественные массы православного сирийского народа, не находя поучения и наставления ни в храме, ни в школе в духе своей церкви легко поддаются соблазну иноверцев»²⁴. В унисон консулу атеист по взглядам востоковед А.Е. Крымский подтверждал, что «положение здешних православных арабов, составляющих, кстати сказать, большинство, хуже положения католиков и маронитов не только в смысле незащитности перед турками, но и в смысле деморализации. Католики основали здесь колледжи с очень сносной программой, основали также медицинский факультет. У православных нет даже начальных школ порядочных...»²⁵

Таким образом, вопрос о сохранении православия в Сирии превращался в вопрос о реализации образовательных инициатив в регионе.

«Каменная стена» школ Палестинского общества в Бейруте

Одной из немногих практических сторон присутствия Российской империи в сиро-ливанском регионе было осуществление школьной дея-

²³ Переписка Константина Михайловича Базили и Андрея Николаевича Муравьева (1839–1852) / Подгот. текста И.Ю. Смирновой // ППС. Вып. 103. М., 2005. С. 56.

²⁴ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 718–718 об.

²⁵ Цит. по: Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р. Неопубликованные письма А.Е. Крымского А.Н. Веселовскому из Бейрута (1897 г.) // Восточный архив. 2021. № 1 (43). С. 31.

тельности Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) в пределах Антиохийского патриархата. Между консульством в Бейруте и главными деятелями Общества в С.-Петербурге сложились союзнические отношения. Причина сближения К.Д. Петковича и руководства Палестинского общества крылась в их общем взгляде на греческую иерархию региона как основную причину кризиса ближневосточного православия. Приступая к реализации образовательной программы Общества, В.Н. Хитрово²⁶ в письме архимандриту Антонину (Капустину) 13 июня 1883 г. верно подмечал: «Нам приходится поневоле опираться на бейрутского Петковича, который пока всею душою к нам расположен и готов нам помогать, не любя греков»²⁷. Чуть позже, в письме (26 марта 1884 г.) самому консулу В.Н. Хитрово называл его «каменной стеной» Общества, человеком «без заискивания и без задней мысли, преданным делу Палестинского Общества»²⁸. Сообщая о посещении Бейрута М.П. Степанову²⁹, он пишет, что «второго Константина Дмитриевича не найдешь, мало того, хоть по всему побережью прокатись и не найдешь»³⁰. И далее: «Пока Петкович в Бейруте, мы можем быть спокойны...»³¹ Однако насколько формальные декларации высокого начальства совпадали с реальностью, позволяет понять история школ М.А. Черкасовой.

Начало им было положено миссионеркой М.А. Черкасовой в бейрутском квартале Мсайтбе 22 сентября 1887 г. В отсутствие широких торговых связей логично было предполагать энергичную поддержку российской дипломатией данной гуманитарной инициативы. В подобном апологетическом ключе это описывает и позднейшая историография. Как пишет в 1907 г. официальный историограф Общества А.А. Дмитриевский, К.Д. Петкович «принял ее весьма любезно, при-

²⁶ *Василий Николаевич Хитрово* (1834–1903) — член Совета Палестинского Общества (с 1884 г.), секретарь Общества (1889–1903).

²⁷ *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). Историческая записка, составленная по поручению Совета Общества профессором А.А. Дмитриевским. Вып. 1. СПб., 1907. С. 236.

²⁸ Там же. С. 257.

²⁹ *Михаил Петрович Степанов* (1853–1917) — генерал от кавалерии (1910), член-учредитель Императорского Православного Палестинского Общества (1882), секретарь Общества (1882–1889), в дальнейшем — помощник председателя Общества.

³⁰ *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское... С. 257.

³¹ Там же.

Канцелярия генерального консульства в Бейруте.
Фотография А.А. Гагарина, 1890-е гг.

ложил на первых порах немало стараний к тому, чтобы удобно во всех отношениях устроить ее на новом месте»³². По мнению современного исследователя Н.Н. Лисового, «генеральный консул... помог найти удобное помещение»³³. Н.А. Лагузова и вовсе резюмирует: «Поддержанная на самых первых порах генеральным консулом в Бейруте К.Д. Петковичем школа была вручена М.А. Черкасовой...»³⁴ Однако сохранившиеся архивные источники не только не подтверждают данное представление, но и заставляют его полностью пересмотреть.

Школа, как писала об этом 30 сентября 1887 г. сама М.А. Черкасова, открылась «тихо, скромно и смиренно, то есть без лишнего шума и шумных торжеств, *не было ни Консула, ни Митрополита* (курсив мой — Е.К.); отслужил молебен местный священник, помолились ближайшие прихожане»³⁵. К.Д. Петкович уклонился от присутствия на церемонии, чтобы избежать возможных (и, подчеркнем, маловероятных)

³² Там же. С. 285.

³³ Лисовой Н.Н. М.А. Черкасова и школы Императорского Православного Палестинского Общества в Бейруте / Смелянская И.М. (отв. ред.). Встречаясь друг в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие. Сборник статей. М., 2013. С. 446.

³⁴ Лагузова Н.А. Школьная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в 1905–1914 гг. // Иерусалимский Православный семинар. Вып. 3. М., 2012. С. 125.

³⁵ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 32.

запросов со стороны турецких властей по поводу правовых оснований для открытия учреждения.

В своих донесениях в Константинополь и С.-Петербург К.Д. Петкович регулярно подчеркивал необходимость просветительской работы среди православных арабов, их поддержку в борьбе с инославными миссионерами и упрекал высшее греческое духовенство в пренебрежении своими обязанностями в отношении арабской паствы: «Находясь в Сирии на службе около 25 лет, я постоянно обращал внимание, кого следует, на это опасное для нашей Церкви положение дел. К несчастью, Антиохийские Патриархи никогда не думали и не заботились о просвещении православных Сирийцев. Никто из них не находил ненормальным и опасным для православной паствы то, что во всей Антиохийской Патриархии не имеется ни одного православного духовного училища»³⁶. В реальности, как видим, эти благие пожелания не сопровождались активной деятельностью с его стороны, оставаясь достоянием дипломатической почты, и лишь немногим отличались от позиции критикуемых им святогробских архиереев.

Наиболее ярко отношение генконсула характеризует ситуация, произошедшая между ним и учительницей в конце сентября 1887 г. «Перед отъездом в Иерусалим я зашла к нему (К.Д. Петковичу. — *Прим. авт.*) посоветоваться, куда мои вещи поставить, он предупредил мою просьбу, говоря: “Мой дом не для того существует, чтобы вещи ставить”³⁷. “Да я о доме не говорю, я говорю о консульском дворе”. Однако так меня поразило это скаредство, что я оставила вещи в мужской школе»³⁸. Как и следовало ожидать, вещи учительницы были впоследствии украдены. Сложно точно определить, чего в этих полутонах было больше: дворянского, аристократического мировоззрения, снобизма дипломата на многолетней службе или заносчивости его превосходительства действительного статского советника.

«Но что меня поразило более всего, так это то, что консул отрекся мне в глаза от прежде сказанных им слов о доме не для вещей, как будто не мне же в глаза он их и говорил. Я смотрела на него, слушала и ушам своим не верила! Да! Консула у нас — слава России, не только помощи от них нет Русскому делу, но всякий искренно желающий служить Православной Церкви Русской, более всего должен опасаться

³⁶ Там же. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 719 об.

³⁷ Там же. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 38.

³⁸ Там же.

подводных камней именно у подъезда Консульства. <...> Но Бог с ним, в дом его мы редко заглядываем, здесь в Бейруте живу я 5 месяцев, а еще не имела чести выпить у него в семье ни чашки чаю, не говоря о завтраке. Вы понимаете, многоуважаемый М.П. (М.П. Степанов. — *Прим. авт.*), что не нужен мне его хлеб, Господь кормит меня, слава и благодарение Ему, и верую, что и впредь Он не оставит меня. Участие дорого»³⁹, — бескомпромиссная характеристика, к которой сложно что-либо добавить.

Спустя три года отношения между главной русской деятельницей на ниве народного просвещения в Бейруте и консулом так и не претерпели положительных изменений. «Вообще он, — писала в 1890 г. М.А. Черкасова о К.Д. Петковиче, — имеет обычай жаловаться, что я не езжу к нему и приглашает даже обедать, или говорит, что приглашает, между тем, мне довелось несколько раз крайне усталой заехать к нему из города, застать его садящимся завтракать, что же Вы думаете. Он не только не пригласил меня, даже заметил: «Разве вы не знаете, что я в 12 часов завтракаю», — и запер мне на носу дверь. И это не один раз случалось, что задерживая делами в городе, заедешь к нему на минуту по делу, и если он за столом, так и проходишь перед дверями около часу в коридоре, где на вас только кавасы с удивлением смотрят, что это де за барыня, что ее за дверями держат пока господа откушают. И после всего этого хватает духа пожаловаться, что я не езжу. Да мне просто совестно, я в жизни своей не видела такого обращения»⁴⁰. Когда учительница обратилась в консульство за помощью в составлении контракта о найме помещения для школы, «еще не понимая по-арабски», то обнаружилось, что генконсул «крайне оскорбляется: мое ли дело нанимать вам дом», «да не нанимать, он нанят, а контракт!» — уточняла Мария Александровна. Особенно она подчеркивала надменный характер отношений действительного статского советника К.Д. Петковича к русским подданным: «Не слышит, кричит как фельдфебель на новобранцев — не мое дело и прочие неприличные грубости»⁴¹.

Разительным образом официальные отчеты об открытии школы отличались от того, что происходило «на земле». Вот как описывал участие консульства К.Д. Петкович в письме к В.Н. Хитрово: «После дол-

³⁹ Там же. Д. 425. Л. 38 об. — 39.

⁴⁰ Там же. Д. 426. Л. 133.

⁴¹ Там же. Д. 426. Л. 131 об.

гих поисков и хлопот” был нанят дом под школу для приходящих девочек за 4,500 пиастров...»⁴². Однако генеральное консульство не только не помогало с поиском и наймом помещения, но скорее противодействовало в этом вопросе. «Более всех помех в открытии школы, равно и в найме квартиры, имела я именно от тех, кто должен был помогать мне в этом...»⁴³, — так характеризует М.А. Черкасова роль российского дипломатического представительства. Парадоксальным образом оба описания являются по-своему правдивыми.

Арабские драгоманы как проблема российской дипломатии

Здесь мы впервые сталкиваемся с теми самыми «подводными камнями» у подъезда консульства — драгоманами, которые пытались нажить-ся при найме помещения для школы и создавали упомянутые консулом «хлопоты». Консульские драгоманы из семьи Шахаде⁴⁴, как пишет М.А. Черкасова, «ненавистны всем почти арабам, но все их боятся и потому льстиво преклоняются пред их малейшим желанием»⁴⁵. Салима Шахаде «все здесь знают за масона, за атеиста и за человека, живущего открыто, заведомо с женою одного православного фотографщика, <...> католичкою, которая и распоряжается всеми делами Консульства посредством Шааде (сына), получая взятки с приходящих к ней и отбирая деньги (жалование) от Шааде, находящегося у нее под башмаком. И это открыто заведомо всем, все знают и все боятся»⁴⁶. Власть своих драгоманов (отца и сына) понимал и сам генеральный консул, который признавался, что «знает давно их за мошенников, но что он не может отослать их...»⁴⁷. «Кажется и консул боится их, — резюмировала М.А., — и здесь

⁴² Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское... С. 285.

⁴³ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. № 425. Л. 36 об. — 37.

⁴⁴ Салим Михаил Шахаде (1848–1907) — видный деятель сирийского возрождения — Нахды. Поступил на службу в русское консульство драгоманом, как и его отец. В течение 17 лет возглавлял православное благотворительное общество в Бейруте. Вступил в Сирийское научное общество в 1868 г. Работал французским редактором в «Хадикат аль-Ахбар» и сотрудником Халиля аль-Хури (*Groiss A. Religious particularism and National integration Religious particularism and National integration: changing perceptions of the political self-identity among the Greek-Orthodox Christians of Greater Syria, 1840–1914. Ph.D. Princetone University. 1986. P. 41–42).*

⁴⁵ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 36 об.

⁴⁶ Там же. Л. 37–37 об.

⁴⁷ Там же. Л. 36 об.

выражаются так: “Лежит консул в люльке (один из Шааде), одна нянька качает его, другая (сын ли, отец) прислушивается за дверьми, заснула ли, чтобы пустить в ход свои машины”⁴⁸. Доведенная до отчаяния, она заявляла, что консул вместе с Шахаде могут стать причиной разорения всего школьного дела в Бейруте.

Забегая вперед, важно отметить, что это было характерным явлением не только для самого К.Д. Петковича, но и для всей дипломатической службы России в регионе. Ни К.Д. Петковичу, ни его преемникам К.Н. Лишину и А.А. Гагарину так и не удалось полностью избавиться от влияния Шахаде. Проблему драгоманов А.Е. Крымский подчеркивает в письме своему учителю А.Н. Веселовскому в 1897 г.: «Нынешний консул кн. Гагарин — человек честный, но совершенно не способный к управлению и во всем зависящий от драгомана, а драгомана все православные проклинают за взяточничество. Я вчера был по делу в консульстве и нечаянно попал на преинтересную сцену: два горца пришли жаловаться на новый непосильный налог (точнее — вымогательство) и униженно просили заступничества у драгомана. Он, зная, что я понимаю уже по-арабски (так как с ним я всегда говорю по-арабски), сказал им: “Подождите, пока придет князь. А я-то что могу сделать?” Но они, очевидно, хорошо понимая положение дел, продолжали кланяться и говорить: “Что там князь! Ты только защити нас!”»⁴⁹ А.А. Гагарин, разбирая наследие К.Д. Петковича, вместе с А.Е. Крымским мечтал «для начала выжить драгомана, торгующего русским правосудием»⁵⁰.

Источники позволяют зафиксировать, что спустя десятилетие это так и осталось в ряду благих пожеланий. Сотрудник ИППО П.И. Рязский в 1906 г. во время инспекции южно-сирийских школ в письме вице-председателю Общества Н.М. Аничкову отзывался о С. Шахаде следующим образом: «... Будучи правой рукой консула, благодаря своим несомненным достоинствам и осведомленности, он пользуется и торгует русским влиянием не без выгоды для своих личных целей, но не всегда с выгодой для русского дела»⁵¹. Как иронично писал А.Е. Крымский о дальнейшей карьере Салима Шахаде: «Всесильный» драгоман «благодаря “незаменимой” его службе в российском консульстве, как фактиче-

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Цит. по: Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р. Неопубликованные письма... С. 31.

⁵⁰ Крымский А.Е. Письма из Ливана (1896–1898). М., 1975. С. 60.

⁵¹ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 434. Л. 21.

ский верховод всех дел российского консульства, дожил, стареясь но не дряхлея, до 1907 г.»⁵².

Таким образом, очевидно, что К.Д. Петкович не только не выделялся на общем фоне бейрутских дипломатов, но сложившаяся на рубеже 60–70-х гг. система отношений была унаследована его преемниками и надолго пережила своего создателя. Можно сказать, что здесь мы сталкиваемся с русской версией европейского феномена враждебного отношения к должности, которая стала синонимом ненадежности, неумелости и вероломства и которая образно была названа Дэвидом Урквартом «драгоманией»⁵³. И если английской дипломатии удалось побороть эту болезнь, то российский МИД в Леванте так и оставался долгое время то ли «под башмаком» любовницы С. Шахаде, то ли младенцем в семейной «люльке» драгоманов.

Продолжением этой зависимости от драгоманов-посредников уже греческого происхождения была ситуация с внештатным вице-консулом в Триполи А. Кацефлисом, который был одним из инициаторов триполийской распри в 1887–1890 гг.⁵⁴ В течение трех лет между жителями портовой части города (аль-Мина) и внутренних районов (и региона аль-Кура) шла острая борьба за замещение должности местного митрополита. Церковный конфликт, ставший выражением борьбы группировок внутри триполийской православной элиты, направлялся руками российского вице-консула. В то же время все распоряжения генконсульства в Бейруте в течение трех лет клонились к его прекращению. «Я не перестаю употреблять все свои усилия к примирению враждующих сторон и отклонению угрожающих Православной Церкви опасностей»⁵⁵, — докладывал в посольство о своих действиях в Константинополь К.Д. Петкович. Неоднократные письменные приказания генконсула, а равно как и жалобы антиохийского патриарха Герасима (Протопапаса) на А. Кацефлиса, успеха не имели. Получив предписание бейрутского генконсульства

⁵² Крымский А.Е. История новой арабской литературы (XIX — начала XX века). М., 1971. С. 601.

⁵³ *Cunningham* A. The Dragomans of the British embassy at Constantinople / Eastern Questions in the 19th century: collected essays / by Allan Cunningham; edited by Edward Ingram. Vol. 2. London, 1993. P. 1.

⁵⁴ Подробнее: *Копоть* Е.М. «Триполийская церковная распря» (1887–1890) в контексте русского влияния в Антиохийском патриархате в конце XIX в. (по материалам АВПРИ) // Вестник Московского университета. Востоковедение. Сер. 13. 2012. № 4. С. 83–94.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 66–66 об.

«воздерживаться от всякого вмешательства в дела Триполийской церкви», он по-прежнему продолжал «принимать деятельное участие в преследовании Митрополита Софрония путем составления против него разных жалоб...»⁵⁶. В действительности фактором непреодолимой силы для русской дипломатии в Триполи была Рада Кацефлис, вторая жена вице-консула. Нападки Александра Кацефлиса на митрополита Софрония (ан-Наджара) обуславливались «не благом и интересами общины, а личною злобою и мезтью его против Софрония за то, что он лет 25 тому назад отлучил его от церкви за его брак с родной сестрой умершей жены его»⁵⁷. Надо полагать, мезтью не только самого вице-консула, но и его супруги⁵⁸. Тем не менее генконсульство в Бейруте оказывалось бессильным повлиять на действия своего внештатного агента.

По результатам триполийской церковной распри К.Д. Петкович был вынужден признать критический объем «разнообразных невыгод и неудобств, какие представляют для нас наши нештатные консульские Агенты на Востоке из местных жителей. Никакие приказания или инструкции не могут оторвать их от местных дряг и интересов той среды, в которой они родились и выросли. Их личные и семейные интересы и расчеты стоят везде на первом плане и выше служебных обязанностей. Эти Агенты, большая их часть, всегда смотрели и смотрят на свое официальное положение как на средство для охранения и удовлетворения своих личных и семейных интересов и целей и мало думают и заботятся о том, согласны или не согласны таковые стремления и действия с требованиями их официального характера и положения Государства, которые они призваны оберегать в предоставленной им сфере деятельности»⁵⁹. Единственный выход из сложившейся ситуации он видел в том, чтобы лица, «занимающие консульские посты в важных восточных пор-

⁵⁶ Там же. Л. 123–123 об.

⁵⁷ Там же. Л. 66.

⁵⁸ Как доносил в 1897 г. князь А.А. Гагарин, после смерти мужа Рада Кацефлис жила «при старшем своем сыне в Триполи в доме, принадлежащем наследникам Александра Кацефлиса, вместе с братом покойного» и намеревалась отправиться в С.-Петербург для «исходатайствования себе пенсии во внимание долголетней службы мужа почетным Вице-Консулом». Но и.о. генконсула А.А. Гагарину «удалось через сына убедить ее, что она не имеет никакого права на пенсию, и что происходящие от положения Русского Вице-Консула в Турции выгоды скорей принесли пользу ее мужу нежели Русскому Правительству» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1345. Л. 47 об.).

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1337. Л. 100 об. — 101.

товых городах, были русские люди, посылаемые из России, а не назначались из местных жителей»⁶⁰.

Консул и высшие круги Петербурга

Заканчивая тему отношений между деятелями ИППО и К.Д. Петковичем, нельзя не отметить, что при существовавшей холодной войне между консулом и М.А. Черкасовой российский дипломатический представитель пользовался полным расположением руководства Общества в С.-Петербурге. Так, генерал М.П. Степанов в марте 1888 г. писал учительнице: «При отправлении Вашем мы говорили Вам, что прямой, непосредственный начальник школ есть К.Д. Петкович, теперь повторяем тоже и просим Вас принять это к непреложному исполнению. И тут, если бы дело ограничивалось только бесполезной болтовней, я бы отнесся к этому снисходительнее; но я вижу в этом положительный вред и принужден настаивать на вышесказанном. Неужель Вы полагаете, что на Востоке подобные этим разговоры в преувеличенном виде не доходят до К.Д., между тем нам это вовсе нежелательно, чтоб подобные разговоры происходили в нашей школе: наше Общество уже многим обязано К.Д., мы к нему относимся с уважением и полным доверием. Ваше дело было бы попросить К.Д. его портрет, вывесить его на видном месте в школе»⁶¹. С великосветским руководством Общества консул открывал себя совсем с другой стороны. В сентябре 1888 г. великие князья Сергей Александрович, Павел Александрович и великая княгиня Елизавета Феодоровна совершали путешествие по Сирии и Палестине. В Бейруте их встречал К.Д. Петкович: «Хотя по маршруту прием для меня на пароходе был назначен в 9 часов, я отправился на Кострому (название судна. — *Прим. авт.*) в 7 часов в полной форме...»⁶² Донесение К.Д. Петковича в посольство о пребывании в Сирии великокняжеской семьи носило оттенок явно излишнего для рабочего документа самолюбования: «Великий Князь Сергей Александрович принял меня, согласно программе, в 9 часов, чрезвычайно любезно и милостиво, как старого знакомого. Такого же лестного приема я удостоился и со стороны Великой Княги-

⁶⁰ Там же. Л. 101.

⁶¹ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873-1. Д. 425. Л. 79 об. — 80.

⁶² Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 208 об.

ни Елизаветы Феодоровны, и Великого Князя Павла Александровича»⁶³. «В 4 часа, согласно своей программе, Их Высочества удостоили меня высокой чести пить чай в Генеральном Консульстве <...> В 8 часов вечера был обед у Их Императорских Высочеств, на котором удостоились приглашения Бейрутский и Ливанский Генерал-Губернаторы, Бейрутский Плац Комендант, Дивизионный Генерал Ахмед Паша с двумя султанскими адъютантами и я с моим семейством»⁶⁴. Завершалось донесение, копия которого сообщалась в Азиатский департамент МИД, следующими сведениями: «В самый же день выезда из Иерусалима, после завтрака, меня позвали к Великой Княгине Елизавете Феодоровне, и Ея Высочество в весьма лестных выражениях благодарила мое семейство и меня за прием в Бейруте и за мою службу во время путешествия и вручила мне брошку для моей жены на память вместе с приветом и любезным приглашением посетить Ея Высочество, когда будет в С. Петербурге. Тут же Великие Князья Сергей и Павел Александровичи изволили также проститься со мной и благодарили меня в самых милостивых и лестных для меня словах, поручая передать поклоны моему семейству»⁶⁵. Угодничество перед великокняжеской четой и холодный официоз по отношению к рядовым труженикам Палестинского общества — вот две стороны медали российской дипломатии в Бейруте в конце XIX в.⁶⁶

Защита православных: «Да Русский ли он, Москоб ли?..»

Отдельной сферой российской дипломатической миссии в регионе являлась защита единоверцев в Османской империи. В череде регулярных вспышек межконфессиональных конфликтов в Ливане обращает на себя внимание ситуация 1888 г.

22–24 января 1888 г. на юге Бейрута в квартале Мазраат аль-Араб, непосредственно примыкающем к Мусайтбе, произошли массовые столкновения христиан и мусульман: десятки православных получили ранения, двое скончались. Мутасарриф Несухи-бей представил дело как бунт христиан против власти, в чем получил поддержку со сторо-

⁶³ Там же. Л. 209.

⁶⁴ Там же. Л. 210 об.

⁶⁵ Там же. Л. 214 об.

⁶⁶ Не лишены были этих недостатков и преемники К.Д. Петковича на этом посту К.Н. Лишин (1897–1902), князь А.А. Гагарин (и.о. консула 5 декабря 1896 — 27 ноября 1897; 1905–1911).

ны сирийского вали Рашида Нашид-паши. Пострадавшими оказались родители учащихся русской школы М.А. Черкасовой, к которой, находившейся в непосредственном контакте с жителями квартала, они обращались за поддержкой. Не видя защиты со стороны консула, находящиеся в отчаянном положении, они приходили в негодование: «Да православный ли он, да Русский ли он, Москоб ли? Зачем Москобия прислала такого и держит его здесь 20 лет, он даже нашего языка не знает, за столько времени не выучил по-арабски?»⁶⁷ Ответов на эти риторические вопросы у М.А. Черкасовой не находилось. Возмущение пассивностью консула исходило не только от общины, но и от представителей духовенства: «Приходит, например, священник и рассказывает, что встретил толпу женщин, человек 20, идущих к Французскому консулу просить защитить, потому что хотя он и католик, а мы православные, но он скорее нам во всем поможет, чем Русский, хотя Русский и уверяет, будто он все делает, что может, но мы знаем, что он ничего не делает и при этом прибавил такие слова, которые неудобны к писанию...»⁶⁸ Палестинское общество в ответ на доклад М.А. Черкасовой о нецензурной брани в адрес К.Д. Петковича потребовало от нее «просто запретить это, указав, как неприлично в Русской школе позволять себе бранить представителя Русского Правительства», а также вывесить его портрет «на видном месте в школе»⁶⁹. Понять причину брани местных жителей довольно легко, если принять во внимание, что на консульской защите зарабатывали драгоманы из семьи Шахаде, «беря взятки с подсудимых арабов за всякое слово, сказанное им в защиту их в Серале от имени Русского Консула»⁷⁰.

Описанные выше события сложно списать на экзальтированное восприятие миссионерки. Востоковед А.Е. Крымский полностью подтверждает ее данные: «Положение здешних христиан в самом деле безотрадное: всякий мусульманин может обижать их, а правительство или не обращает внимания на жалобы потерпевших, или, если консулы настают, посадит виноватого в тюрьму на один день, а на другой день выпускает, и обидчик (убийца или грабитель) гордо гуляет по городу. Лучше всего относительно, конечно, живется католикам, потому что французы имеют привычку добиваться наказания виноватых, но состояние право-

⁶⁷ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 70 об.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. Л. 79 об. — 80.

⁷⁰ Там же. Д. 426. Л. 134.

М.А. Черкасова (в центре) с ученицами и педагогами школы Святого Или в Бейруте

славных, находящихся под покровительством России, совсем-таки жалкое»⁷¹. Он сообщает подробности о деятельности С. Шахаде в ноябре 1896 г., однако с полным основанием данную характеристику можно отнести и к предыдущим годам: «Когда я узнал, что здесь творится в Турции, у меня волосы дыбом стали. Между прочим, я открыл, что драгоман утаивает от князя имена виновных мусульман, с которых получает взятки»⁷². Особенный интерес представляет его замечание, добавляющее некоторые штрихи к портрету генерального консула: «Предыдущий консул Петкович всегда был в дружбе с турками, от которых имел всегда богатые взятки, и потому ровно ничего не делал для православных. Даже когда произошел такой факт, как публичное избиение священника русской (Sic!) церкви одним мусульманским торговцем, то и тогда Петкович не вмешался (этому будет уж почти год)»⁷³. Впрочем, сложно сказать, кто был в дружбе с турками: сам консул или его alter ego Салим Шахаде, который, как указывает сам А.Е. Крымский, находился в «несменной должности драгомана Российского консульства с огромным влиянием на политические дела Сирии»⁷⁴.

⁷¹ Цит. по: Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р. Неопубликованные письма... С. 31.

⁷² Крымский А.Е. Письма из Ливана... С. 60.

⁷³ Цит. по: Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р. Неопубликованные письма... С. 31.

⁷⁴ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 545.

Как видим, в консульской защите нуждались не только местные православные, но и русские подданные на Востоке. В 1890 г. произошел конфликт между собственником помещения, в котором располагалась школа Палестинского общества, и ее администрацией. Для М.А. Черкасовой ситуация стала поводом к тому, чтобы высказать эмоции, накопившиеся за несколько лет: «Вчера приходил хозяин гнать нас из дома, прямо кричал перед домом известного богача-мусульманина, соседа нашего. <...> Совестно, не привыкла я к такому обращению. Правда, я не консульская дочь, но потомственная дворянка...»⁷⁵ «Да не это больно, что араб полудикий кричит, Господь с ним, это бы еще ничего, а больно сознание, основанное на многолетнем опыте, беззащитности Русских подданных в Малой Азии; все нации имеют защитников в лице своих консулов, все ограждены так, что никто не смеет мало-мальски грубо обойтись с ними зная, что за это угрожает тюрьма, все — кроме Русских. Ни слова грубого в ответ не сказав Арабу, я на др. день послала доложить консулу, описав ему, конечно, дело и прося его защиты. <...> Что же вышло? А то же, что и прошлые 3 года, даже еще хуже»⁷⁶. В итоге, после трех лет совместной деятельности следует однозначный вывод, почти приговор: «Так что не мусульман мы здесь боимся, а Консула и его драгоманов»⁷⁷.

Отражаясь в миниатюре, неприглядные черты российской действительности бросались в глаза местному православному населению, которое в Бейруте имело возможность сравнивать: «Только относительно положения моего это крайне неблагоприятно действует на Арабов, которые всегда спрашивают отчего Москоб не так обходятся со своими начальниками школ, как Католики и Протестанты»⁷⁸.

Ирония ситуации заключалась в том, что пока К.Д. Петкович в своих отчетах в посольство писал, что «как Патриарх, так и подчиненные ему Епископы из Греков, занятые исключительно мыслью об удержании и сохранении своего положения и своих материальных выгод, не дают себе никакого труда, чтобы защищать права и интересы своей паствы перед турецкими властями или оберегать и отстаивать таковые против домогательств иностранных исповеданий»⁷⁹. Местные арабы думали примерно то же самое о самом К.Д. Петковиче.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 130.

⁷⁶ Там же. Л. 130 об.

⁷⁷ Там же. Л. 132 об.

⁷⁸ Там же. Л. 135.

⁷⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 39. Д. 67. Л. 24 об.

Пассивность и консерватизм

Говоря о целях русской дипломатии на Ближнем Востоке, К.Д. Петкович в одном из донесений так писал об этом: «В Сирии мы не занимаемся ни религиозною, ни политическою пропагандою, но наши религиозные и политические интересы требуют, чтобы мы оберегали и поддерживали *status quo*, чтобы число наших единоверцев не уменьшилось, так как они служат главным основанием нашего влияния»⁸⁰. Таким образом, вопросом первостепенной важности для практической деятельности диппредставительства являлось статистическое описание «наших единоверцев».

Ввиду грядущих в 1885 г. патриарших выборов задача становилась особенно актуальной. Несмотря на неоднократно отмечавшуюся значимость взаимодействия с христианским населением Большой Сирии, в 1885 г. запрос Святейшего Синода о статистических сведениях и состоянии митрополий Антиохийской церкви застал К.Д. Петковича врасплох. Справка по поводу грядущих патриарших выборов 1885 г., озаглавленная «Нынешнее состояние Антиохийской Православной Патриархии», генконсульством была в итоге составлена в кратчайшие сроки, послужив основой для записки «Антиохийская патриархия», подготовленной в Азиатском департаменте МИД. Даже с учетом возможной критики (например, в нем отсутствуют биографические данные митрополитов, что в преддверии борьбы за патриаршество было крайне необходимо) данный материал можно по праву считать шагом вперед в изучении региона, так как для последней трети XIX в. это был единственный документ с численными данными о православном населении, церквях и школах, с делением не только по митрополиям, но и по всем значимым населенным пунктам.

Однако в апреле 1885 г. К.Д. вынужден был оправдываться, и характер этих оправданий представляется весьма симптоматичным: «Сожалею, что настоящий мой труд не имеет всей желаемой полноты и обработки <...> по краткости назначенного мне срока и по хлопотам и занятиям, какими я был обременен перед самым отъездом в разрешенный мне Императорским Министерством отпуск в Россию»⁸¹. И это после 16 лет службы в регионе — генконсульство не обладало полнотой информации о главном направлении своей деятельности. В 1885 г. увидела

⁸⁰ АВГРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 695 об. — 696.

⁸¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 55. Д. 275. Л. 3.

свет в типографии Военного министерства отмечаемая всеми исследователями наследия К.Д. Петковича работа «Ливан и ливанцы. Очерки нынешнего состояния автономного Ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношениях». Удивительно, но из общего объема в 173 страницы православной общине отведено чуть более трех. Статистические данные, приводимые консулом, опирались на официальную перепись 1861 г. Спустя 20 лет попытка установить актуальное число жителей выглядела следующим самым приблизительным образом: «Принимая во внимание здоровый климат», «обычай ливанцев вступать в брак с ранних лет», «можно принять, что число православных жителей в период истекших 20 лет возросло, и полагая ежегодный прирост по крайней мере в один процент, получим круглую цифру в 33 600 или даже в 35 000 душ обоюбого пола»⁸².

Кроме объективной причины, приведенной консулом в донесении, — «в Турции, как небезизвестно Вашему Превосходительству, статистика продолжает еще считаться государственной тайной и не имеется никаких печатных сколько-нибудь серьезных источников по этому предмету, которыми бы можно было пользоваться при изучении той или другой стороны данного положения известного края или народа»⁸³, — важно отметить субъективный аспект проблемы. Истоками такого безотрадного положения в равной степени можно считать как незнание консулом арабского языка, так и отсутствие личных разъездов по стране, постоянное пребывание (за редкими исключениями) в столице Бейрутского вилайета (с 1888 г.). Надо отметить, что именно эти качества: стремление изучить язык и обычаи региона, проживание в местах проповеди, отсутствие социальной дистанции с местным населением — делали эффективной католическую и протестантскую пропаганду, об успехах которой так много писал российский генконсул. В то же время, как с удивлением сообщает в письме А.Н. Веселовскому в 1897 г. А.Е. Крымский: «Здесь, в Бейруте, можно сказать, не видели русских. Консул и секретарь всегда остаются недосягаемы для арабов»⁸⁴.

⁸² Петкович К.Д. Ливан и ливанцы. Очерки нынешнего состояния автономного Ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношениях. Записка ген. консула в Бейруте К. Петковича. СПб., 1885. С. 115.

⁸³ РГИА. Ф. 797. Оп. 55. Д. 275. Л. 2 об.

⁸⁴ Цит. по: Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р. Неопубликованные письма... С. 30.

К.Д. Петкович резко критиковал греческую иерархию за пассивность, однако в своей холодной аристократической манере был от нее не слишком далек, годами не покидая бейрутской резиденции.

Доставалось от него и любознательной английской дипломатии, столь отличной от российской: «Английский Генеральный Консул Подполковник Троттер в самый разгар Хауранского восстания, совершил экскурсию на Ливан, в Друзский округ, чтобы проповедовать Друзам о мире и спокойствии, успокоить их на счет последствий возстания в Хауране и уверить их в неизменном и могущественном покровительстве Англии»⁸⁵. «Здесьшний Английский Генеральный Консул отправился на днях в Дамаск под предлогом показать своей матери город, но, по всей вероятности, для того, чтобы пронюхать — какие имеются планы против Друзов»⁸⁶ — доносил К.Д. Петкович в 1895 г. о поездке своего бейрутского коллеги Роберта Хейя Драммонд-Хейя⁸⁷. Сложно сказать, чего в этих характеристиках было больше: пассионарной активности британцев на Ближнем Востоке или консерватизма и безучастности российской дипломатии. Так или иначе, вряд ли можно было требовать многого от консула, которому к моменту написания донесения уже исполнилось 69 лет.

Пожилой дипломат не доставлял хлопот турецкой администрации, как его западные коллеги, что, впрочем, хорошо сочеталось с позицией российской дипломатии, не стремившейся к созданию очагов напряженности внутри Османской империи от Йемена до Хаурана и Ливанских гор. Даже в русских школах, по его мнению, «турецкое правительство должно было бы видеть не врагов своих, а, напротив, пособников, потому что все иноверческие миссионерские школы имеют характер революционный и разрушительный для местного правительства», а наши школы — «оберегательные, консервативные»⁸⁸.

Расширение консульской сети

Влияние патриарших выборов 1885 и 1891 гг. не ограничилось лишь вопросами статистики. Важно отметить положительную роль К.Д. Петко-

⁸⁵ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 113. Л. 98 об.

⁸⁶ Там же. Л. 443 об.

⁸⁷ Хей Драммонд-Хей Р. (1846–1926) — британский консул в Танжере (с 1875 г.), Стокгольме (с 1879 г.), генеральный консул в Тунисе (1889–1894) и Бейруте (1894–1907).

⁸⁸ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 387 об. — 384.

вича в деле расширения консульского присутствия в регионе. Осознание ограниченных возможностей консульства в Бейруте убеждало дипломата в необходимости большего контроля за ситуацией в Большой Сирии, одновременно содействуя целям военных разведчиков Кавказского военного округа.

В 1882 г. К.Д. Петкович выступил инициатором получения фирмана на признание военного агента полковника Я.Ф. Люндеквиста российским вице-консулом в Хаме. По этому вопросу он вошел в противоречие с позицией посла в Константинополе Е.П. Новикова⁸⁹, который выступал с узковедомственных позиций, считая, что разведчиков будет удобнее командировать «под видом частных путешественников», когда «ответственность перед Портой за образ действий таковых агентов не будет лежать на официальном представительстве России в Турции»⁹⁰. В итоге прогосударственная точка зрения генконсула в Бейруте (при давлении, оказанном военным министром П.С. Ванновским⁹¹) возобладала. В конце 1882 г. консульский фирман был получен в Порте и отправлен в Бейрут для вручения военному агенту.

Находясь в 1885 г. в С.-Петербурге, К.Д. представил «Г. Товарищу Министра по его приказанию обстоятельную записку о необходимости иметь в Дамаске Консульского русского Агента. Как г. Влангали⁹², так и г. Начальник Азиатского Департамента⁹³ одобрили вполне мои доводы и изволили даже признать возможным перевести в Дамаск, если не окажется на первое время свободных денежных средств на содержание чиновника нашего Министерства, военного Агента (Вице-Консула в Хаме)»⁹⁴. При этом К.Д. указывает на важный кадровый аспект, намекая, что военный агент К.П. Камсаракан (григорианского вероисповедания) для этой должности не подходит: «Но этот военный Агент, чтобы быть русским Вице-Консулом в Дамаске, резиденции православного Антиохийского Патриарха, должен быть из православных»⁹⁵. Вероятной при-

⁸⁹ Евгений Петрович Новиков (1826–1903) — российский посол в Константинополе (1879–1882).

⁹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 4 об.

⁹¹ Петр Семенович Ванновский (1822–1904) — военный министр (1881–1898).

⁹² Александр Георгиевич Влангали (1824–1908) — дипломат, 1882–1891 — товарищу министра иностранных дел.

⁹³ Иван Алексеевич Зиновьев (1835–1917) — дипломат, директор Азиатского департамента МИД (1883–1901), посол в Константинополе (1897–1909).

⁹⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517-2. Д. 1337. Л. 14 об. — 15.

⁹⁵ Там же. Л. 15.

чиной актуализации вопроса о консульстве в Дамаске были патриаршие выборы 1885 г. В феврале 1889 г. Константин Дмитриевич снова возвращается к предварительно одобренной идее. Причиной этого послужило выделение в 1888 г. Бейрута и прибрежной территории в отдельный вилайет. Пользуясь пребыванием посла А.И. Нелидова⁹⁶ в столице, он решил обратиться к «вниманию на вопрос о назначении Консульского Агента в Дамаске, скорое решение которого представляется тем более необходимым и неотложным, что Дамаск составляет теперь отдельный Сирийский Вилайет, где присутствие русской власти, помимо других политико-религиозных соображений, необходимо и для защиты <...> перед местными судами и властями интересов Русских подданных, которых имеется большое число»⁹⁷.

Согласившись с доводами консула, А.И. Нелидов поставил вопрос на рассмотрение Военного министерства. Ссылаясь на новое административное деление и практически постоянное пребывание военного агента в Бейруте, А.И. Нелидов обратился к П.С. Ванновскому с секретным отношением, в котором подчеркивал, что «многочисленные интересы наши в Дамаске делают весьма желательным присутствие там Русского агента, а в военном отношении Дамаск имеет несравненно большее значение, чем Бейрут, ибо там имеет свое пребывание Начальник V Армейского корпуса»⁹⁸. А также признавал «во всех отношениях полезным перевести в Дамаск нештатного Вице-Консула, содержимого Военным Министерством в Хаме и пребывающего ныне в Бейруте. Затем, со временем, если к тому представится удобный случай, желательно было бы заменить нынешнего Вице-Консула Камсаракана (Армянина, Грегорианского исповедания) Православным агентом, в виду церковных вопросов, могущих возникать в Дамаске, где имеет свое местопребывание Антиохийский Православный Патриарх»⁹⁹.

Данное отношение было расценено командующим войсками Кавказского военного округа генерал-адъютантом князем А.М. Дондуковым-Корсаковым как «весьма полезное и желательное»¹⁰⁰ и было поддержано военным министром П.С. Ванновским в мае 1889 г.

⁹⁶ Александр Иванович Нелидов (1835–1910) — дипломат (с 1855), посол в Константинополе (1883–1897).

⁹⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517-2. Д. 1337. Л. 14–14 об.

⁹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 114 об. — 115.

⁹⁹ Там же. Л. 115–115 об.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 116.

Можно с уверенностью говорить о том, что почва для открытия российского консульства в Дамаске в 1893 г. во главе с А.П. Беляевым православного вероисповедания¹⁰¹ была подготовлена именно К.Д. Петковичем. Во многом именно это административно-кадровое решение определило положительное разрешение кризиса в Антиохийской церкви и избрание патриарха-араба Мелетия II (Думани)¹⁰² в 1899 г.

Борьба за антиохийский патриарший престол

Участие в патриарших выборах 1885 и 1891 гг. стало главной практической стороной деятельности российского генконсульства в Антиохийской церкви во 2-й половине XIX в. Как мы видели, они стали движущей силой и в изучении региона, и в организации консульской службы. Кредо генконсульства в патриаршем вопросе могло бы быть выражено следующим заявлением: «Россия не может также равнодушно относиться к явному нарушению прав Антиохийской Церкви и к тому, чтобы ее патриарший престол был предметом купли и продажи для чужеземцев, эксплуатирующих и разоряющих его. Так как Россия одна поддерживает материально Антиохийских Патриархов, кто бы они ни были, то для нас не может и не должно быть безразлично, куда идут и на что употребляются ее денежные приношения и вспомоществования. Кроме того, едва ли было бы выгодно для нас и с церковно-политической точки зрения допускать, чтобы на Антиохийском патриаршем престоле были всегда чужеземцы...»¹⁰³

Во время выборов 1885 г. генконсульство в Бейруте не проявляло значительной активности. В самом начале предвыборной кампании К.Д. Петкович во исполнение инструкции из Константинополя приложил усилия к устранению от участия кандидатуры «такого безнравственного и ненадежного прелата»¹⁰⁴, каков Вифлеемский

¹⁰¹ *Алексей Петрович Беляев* (1859–1906) — консул в Дамаске (1893–1903), секретарь ИППО (1903–1906). Он был сыном «священника (сельского) и грузинки» (по версии Н.М. Аничкова — грузинской княжны) (*Крымский А.Е. Письма из Ливана* (1896–1898). М., 1975. С. 202).

¹⁰² *Мелетий II (Думани)* (1837–1906) — Антиохийский патриарх (15 апреля 1899 — 26 января 1906).

¹⁰³ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 193.

¹⁰⁴ Как следует из статьи в греческой газете «Константинополь» № 201 от 22 октября 1886 г., кроме пожертвований от русских паломников, источником средств Анфима (Апергиса) было откровенное воровство из кассы Иерусалимского патриархата:

Анфим»¹⁰⁵. Генконсул в донесении А.И. Нелидову подчеркивал, что действовал «с крайней осторожностью и избегая даже намека о том, что мы благоприятствуем тому или другому из кандидатов»¹⁰⁶. Уведомив об этом посольство, К.Д. Петкович, не дожидаясь окончания патриарших выборов, сдал дела секретарю консульства, титулярному советнику Н.Н. Демернику¹⁰⁷ и 1 мая 1885 г. выехал в 29-дневный отпуск в Россию. В оставшееся время до избрания нового патриарха, как доносил Н.Н. Демерик, российское генеральное консульство в Бейруте ввиду «неимения в Дамаске официального агента» едва успевало «совладать со скромной ролью — следить за ходом дел»¹⁰⁸.

Ситуация 1891 г. кардинально отличалась.

Избрание в марте 1891 г. Герасима (Протопапаса)¹⁰⁹ Иерусалимским патриархом сделало вакантной антиохийскую патриаршую кафедру. Общественное мнение как в Дамаске, так и в Бейруте склонялось к избранию «своего природного» патриарха. Данная позиция находила поддержку и в российском генконсульстве: «Вопрос о том, кто будет Антиохийским Патриархом: местный ли Епископ или грек чужеземец, не есть вопрос безразличный или маловажный. От законного и правильного разрешения этого вопроса зависит будущее духовное и материальное благосостояние не только Антиохийской Церкви, но и самого местного православного населения. Этот патриарший вопрос затрагивает также серьезные политические интересы турецкого правительства и имеет для нас громадную церковно-политическую важность»¹¹⁰. В этой связи К.Д. Петкович представил в посольство список всех архиереев патриархата с их краткой биографией и характеристикой.

Главными кандидатами на престол стали: 1) Мелетий (Думани) Лаодикийский; 2) Гавриил (Шатилла) Бейрутский; 3) Герасим (Яред)

«Большая часть долга сделана была во время последнего местоблюстительства Никифора Петрейского, когда бывший Вифлеемский Анфим Апергис, которому слепо следовал этот недалекий старец, удучив благоприятное время, присвоил себе по своему обычаю 2700 лир (около 27 тыс. руб. — Е.К.) без всякого благовидного основания» (Православие и Православные // СИППО. СПб., 1887. С. 117).

¹⁰⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1333. Л. 48 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 49.

¹⁰⁷ Николай Николаевич Демерик — секретарь-драгоман генконсульства в Бейруте (13 августа 1883 — 27 октября 1887).

¹⁰⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1333. Л. 70 об.

¹⁰⁹ Герасим (Протопапас) (1839/41–1897) — Антиохийский патриарх (30 мая 1885 — 28 февраля 1891), Иерусалимский патриарх (28 февраля 1891 — 9 февраля 1897).

¹¹⁰ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 188 об. — 159.

Селевкийский¹¹¹; 4) Спиридон (Евфимиу) Фаворский, выдвинутый греческой святогробской партией. Как неблагонадежные и имеющие отношение к России, из списка кандидатов Портой были исключены бейрутский и селевкийский митрополиты. Заболев и еще не зная о своем исключении из списка кандидатов, один из главных претендентов Гавриил (Шатилла) написал Мелетию (Думани), отказываясь от своей кандидатуры в его пользу. Данный шаг консолидировал голоса арабских митрополитов вокруг фигуры лаодикийского архиерея. В то время как российское посольство в Константинополе сохраняло нейтралитет, греческие дипломатические представители, не обращая внимания на заключенное с российской дипломатией соглашение, открыто выступили против арабов и работали в пользу святогробского митрополита. Поддержку им оказывали и турецкие власти, не желавшие избрания арабского кандидата. Порта после запроса Константинопольского патриархата лишила права голоса Гавриила (из-за фиктивного свидетельства о его недееспособности) и Агапия (Ставроса) (как титулярного архиерея). Под давлением сирийского губернатора Ассим-паши паствы Хамы и Захле потребовали от своих митрополитов подчиниться властям, т. е. проголосовать за грека.

Во все время предвыборной борьбы К.Д. Петкович направлял донесения в посольство с подробным изложением хода дела, а также предпринимал усилия для ограждения канонических прав Антиохийской церкви от давления извне и объединения усилий арабской партии. В связи с давлением дамаского паши он 11 июня 1891 г. телеграфировал А.И. Нелидову, сообщая, что «архиереи просят Вашего заступничества для ограждения свободы выборов согласно канонам»¹¹². По тону донесений консула явно заметна эмоциональная включенность в раз-

¹¹¹ *Герасим (Яред)* (ум. 12.09.1899) — уроженец с. Рашайа Дамасского вилайета. В молодости принял монашество. В 1865 г. приехал в Россию для получения образования. Окончил Московскую семинарию, СПбДА (1869). В 1869–1873 гг. преподавал в С.-Петербургской семинарии и СПбДА греческий язык и историю Византии. Опубликовал ряд трудов церковно-исторического, богословского и публицистического характера. В 1871 г. принял русское подданство и был произведен в сан иерея. С 1876 г. архимандрит, ректор Псковской семинарии, с 1881 г. ректор Рижской семинарии. После конфликта с архиепископом Рижским Филаретом подал в отставку. В 1883 г. подал прошение об увольнении из русского подданства (до конца жизни продолжал считать себя русским подданным) и выехал в Палестину для заведования делами арабской паствы в звании «священнопроповедника». 25 марта 1889 — 12 сентября 1899 — митрополит Селевкийский (Захле).

¹¹² АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 236.

ворачивающиеся события. Неожиданно он обращается к событиям двадцатилетней давности, участию Антиохийского патриарха Иерофея (1850–1885) в болгарской схизме 1872 г. Несмотря на просьбы местных митрополитов «не подписывать акта о расколе, Иерофей не только подписал этот акт, но еще и по возвращении в Дамаск хотел обнародовать его. Православные Сирийцы и их духовенство, однако же, воспротивились единодушно этому. Таким образом, из всех Церквей на Востоке одна только Антиохийская не признала и не признает болгарской схизмы благодаря тому обстоятельству, что большинство местных Архиепископов не греки. Если бы и Патриарх был тоже из местных Архиепископов, то, наверное, не поступил бы так, как покойный Иерофей»,¹¹³ — делает заключение генконсул. В этом историческом отступлении раскрывается субъективная причина заботливого внимания когда-то активного деятеля болгарского возрождения к борьбе сирийцев за церковно-каноническую свободу.

Однако это личностное отношение имело и обратную сторону. Видя, что победа клонится на сторону греческой партии, некоторые из арабских иерархов (Епифанийский Григорий и Селевкийский Герасим), потеряв надежду на общий успех, поддались на подкуп за 50 и 100 тур. лир и согласились голосовать за Спиридона. Со временем стало известно, что Тиро-Сидонский митрополит Мисаил заранее продал голос грекам. Окончательное избрание Спиридона состоялось 2 октября 1891 г. благодаря его обещанию уплатить 10 тыс. тур. лир (100 тыс. руб.) на нужды патриархата, а также взяткам сирийским чиновникам и светским старшинам (драгоман вилайета Халиль Хури, Дж. Эспер, Дж. Шамиэ и др. по 200 тур. лир). Сообщая об этом, К.Д. Петкович был разочарован не только слабостью «епископов изменников»¹¹⁴, но и всех арабских митрополитов, которые имели основания «протестовать и отказаться от участия в выборах при таких невыгодных для себя условиях, но они этого не сделали и ограничились только запросом о том — правда ли, что Фаворский Епископ Спиридон выдал 10 000 турецких лир»¹¹⁵. «Мы требовали и добивались, на сколько это возможно было, свободы выборов, а если члены Синода из Арабов, составлявшие большинство, не сумели воспользоваться ею, как следовало, а дали себя увлечь угрозами, фальшивыми обещаниями и подкупами, то в этом не повинны ни мы,

¹¹³ Там же. Л. 194–194 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 93 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 90 об.

ни православные Сирийцы, которым придется страдать»¹¹⁶, — резюмировал консул. Особенное его возмущение вызвала позиция Герасима (Яреда) Селевкийского, воспитанника Санкт-Петербургской духовной академии. Однако если с точки зрения консула проблема была в епископах изменниках, то со стороны Селевкийского митрополита ситуация выглядела несколько иначе.

Как он собственноручно писал 24 февраля 1892 г., «неудача арабов произошла не от их мнимой нетвердости, <...> а исключительно от неумелых действий мнимых благодетелей — Русского Консула в Бейруте»¹¹⁷. И далее: «Ничего не было оставлено без применения из тех вредных и неразумных действий, которые способны были только сделать Арабов подозрительными в глазах правителей и, следовательно, усиливать их раздражение против православных арабов. Только тогда снимется подозрение, когда г. Петькович откажется от своих благодетельных распоряжений в пользу туземцев и ограничится исполнением своих служебных обязанностей»¹¹⁸.

Однако, по мнению Герасима (Яреда), за спиной консула стояли «всесильные» драгоманы, пытавшиеся вершить судьбы патриархата: «Г-н Шахадэ выдвинул кандидатуру на Патриарший Престол, Митрополита Бейрутского, о чем открыл и переговоры с Дамасскими вельможами через товарища его по драгоманству Селима Трад, откомандированного им для сей цели в г. Дамаск»¹¹⁹.

Именно их активная роль скомпрометировала митрополитов в глазах турецких властей: «... Драгоман Русского Консульства Селим Трад работал в Дамаске, к соблазну местных властей и ко вреду самого дела, а г. Шахади составлял в Бейруте рапорты, отношения, прошения, телеграммы и пр. и рассылал их в разные города, чтобы православные покрывали их своими подписями и печатями и отправляли по назначению либо в Константинополь, либо местным властям в Дамаске, Бейруте и Ливане»¹²⁰.

Такая дипломатическая работа Трада и Шахаде в пользу Гавриила (Шатилла) имела вполне корыстный расчет, который заключался в присвоении финансовой помощи, поступающей из России: «Драгоманство так и вообразило, что оно сделает его Патриархом и в Консульстве име-

¹¹⁶ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 268 об.

¹¹⁷ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 720. Л. 43.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же. Л. 39.

¹²⁰ Там же. Л. 40 об.

лись суммы, принадлежащие престолу Антиохийскому, и новый патриарх из Арабов, вероятно, подаст должную расписку в получении их»¹²¹. Таким образом, говорим о церковных правах арабов — подразумеваем русские деньги. В равной степени это замечание касалось и греческого духовенства. Как метко писал о нем В.Н. Хитрово: «эллинофильство для них до известной степени важно, но только чтоб скрывать плутофильство свое»¹²².

В такой ситуации Герасиму (Яреду), по его словам, ничего не оставалось делать, как «обеспечить за Престолом обещанный капитал в 10 000 наполеондоров, <...> при разумном пользовании которым может дело народного образования и благотворения выиграть больше, чем от повелительных распоряжений или неверных обещаний чиновника-благодетеля в Бейруте»¹²³.

К счастью, архивные источники позволяют реконструировать и точку зрения бейрутских драгоманов, а вместе с ней узнать и мнение К.Д. Петковича, которое хотя и не нашло своего выражения в официальных документах, но тем не менее было хорошо известно его окружению. В марте 1892 г., когда еще продолжалась борьба за патриаршество, настоятель антиохийского подворья в Москве архимандрит Рафаил (Хававини) обратился с посланием к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву как к «единственному для меня и нашего многострадального православного арабского народа прибежищу»¹²⁴. Этот текст обращает на себя внимание своей мотивационной частью: «Я получил на днях от достоверного для меня человека из Бейрута известие, подтверждающее, что Русский Генеральный Консул в Бейруте Константин Дмитриевич Петкович постоянно посылал и посылает в Константинополь к Русскому Императорскому Послу подробные представления о всем, что происходит в настоящее время и происходило в Антиохийской Церкви. Но они, к сожалению, задерживаются в Константинополе и не присылаются в Петербург, к месту своего назначения»¹²⁵. Таким образом, по мнению бейрутского корреспондента архимандрита Рафаила, коим с полной уверенностью можно считать лицо, близкое к арабскому окружению генконсула, ответственность за поражение арабов лежит на императорском посольстве в Константинополе и лично А.И. Нелидове, который блоки-

¹²¹ Там же. 42 об.

¹²² *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское... С. 245.

¹²³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517-2. Д. 720. Л. 42 об.

¹²⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 61. Д. 307. Л. 17.

¹²⁵ Там же.

ровал информацию, поступавшую из генерального консульства. Имея некоторые основания для того, чтобы отнестись с доверием к мнению архимандрита Рафаила, К.П. Победоносцев препроводил прошение дамасской общины к Святейшему Синоду в МИД. Вместе с тем, обращаясь к товарищу министру иностранных дел Н.П. Шишкину с письмом, он также добавлял, что «со стороны Сирийцев слышатся горькие жалобы на Нелидова за то, что он не захотел поддержать их и не явил энергии против незаконного выбора Спиридона»¹²⁶. Таким образом, по мнению Бейрута, причиной проигрыша арабов был посол А.И. Нелидов.

Действительно, точки зрения посольства в Константинополе и консула в Бейруте несколько отличались. Позиция А.И. Нелидова была более умеренной. В действиях османской администрации он видел не (или не только) коррупцию и дискриминацию арабов, а рациональную имперскую политику: «Турецкое Правительство повсеместно старается разъединять подвластные ему христианские народности, мешать им организовываться в плотные национальные группы. За созданием Болгарской Церкви с национальным духовенством так быстро последовало образование автономного болгарского государства, что Турки тщательно избегают повторения подобной, по их взглядам, политической ошибки... <...> По той же причине Порты старается помешать образованию вокруг Антиохийского Престола Арабского национального центра, тогда как Греки, — к которым она однако далеко не дружелюбно расположена в настоящую минуту — в Сирии для нее неопасны»¹²⁷. Поэтому, по его мнению, надо было поддерживать не конкретного кандидата, а каноническую свободу выборов, так как «явное заступничество наше за того или другого кандидата несомненно могло бы повредить ему в глазах Турок, дав предлог к обвинению его перед Портой»¹²⁸. В этой связи посол вынес замечание консулу за действия его драгоманов: «Я не могу не пожалеть, что — как о том известила Вас моя секретная телеграмма от 23 числа — Ваш драгоман Шехади, как оказывается несообразовался в своих действиях с преподанными мною с самого начала указаниями о невмешательстве, а вел письменно и устно горячую пропаганду в пользу избрания Араба, обещая в таковом случае именем Русского Правительства значительную ежегодную субсидию Антиохийскому Престолу, открытие русской школы в Дамаске, пожалование орденов разным влиятельным

¹²⁶ Там же. Л. 22.

¹²⁷ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 38 об. — 39 об.

¹²⁸ Там же. Л. 41.

лицам и, в противном случае, угрожая лишением Антиохийского Престола поддержки России»¹²⁹. Позиция посольства выразалась следующим образом: «Арабы, как составляющие большинство населения Сирии, могут вполне рассчитывать на благосклонное отношение России к главе Церкви их национальности. Но они не могут требовать, чтобы мы их защищали от слабости или нравственной несостоятельности их собственных Иерархов, поддающихся посторонним влияниям, чтобы мы настаивали на неприменимом исключении всякого кандидата — Грека, даже если бы он был правильно избран. Мы можем защищать лишь каноническую свободу действий Антиохийского Синода»¹³⁰.

Трения между послом и генконсулом продолжились и после избрания Спиридона. К.Д. Петкович в январе 1892 г. обратился к директору Азиатского департамента МИД Д.А. Капнисту с предложением задержать выдачу денежных средств патриарху Спиридону: «Нет никакого сомнения в том, если я передам теперь Спиридону эти деньги, то он положит их в свой карман и не употребит их по назначению»¹³¹. Обращает на себя внимание предлагаемая схема расходования средств: «Не найдет ли Императорское Министерство более целесообразным не выдавать их ему, а употребить их непосредственно на оказание пособий церквам, школам и духовенству в Сирии»¹³². Таким образом, распорядителем кожного узла «с вложением 821 тур. лир 82 пиастров золотом (6374 руб. 4 коп.)»¹³³, а также векселя на более мелкую сумму в 2002 пиастра 15 пар становилось консульство, а в момент передачи средств — драгоманы из семей Шахаде и Трад. Именно на данные средства указывал Герасим (Яред) в своей объяснительной записке в посольство, и эти опасения «русского Академика»¹³⁴, как его иронично назвал К.Д. Петкович, были, как видим, далеко не беспочвенны. Данная мера ожидаемо не нашла поддержки в посольстве: «Что же касается до высказанной Вами мысли о желательности задержания некоторой части поступающих Антиохийской Патриархии доходов с Бессарабских ее имений для распределения ее по собственному нашему усмотрению, то я не могу счесть принятие такой резкой меры достаточно оправдываемой обстоятельствами»¹³⁵.

¹²⁹ Там же. Л. 40–40 об.

¹³⁰ Там же. Л. 42.

¹³¹ Там же. Д. 322. Л. 261 об.

¹³² Там же.

¹³³ Там же. Л. 260.

¹³⁴ Там же. Д. 323. Л. 92 об.

¹³⁵ Там же. Д. 322. Л. 304 об.

Общий враг объединяет. Единомышленником К.Д. Петковича в борьбе с посольством был В.Н. Хитрово, который испытывал глубокую личную антипатию к А.И. Нелидову¹³⁶. Например, проблемы в школьном деле в Палестине секретарь Общества объяснял следующим образом: «Если католики какими-то таинственными путями открывают школы, то эта таинственность объясняется просто, ни у тех, ни у других, ни у третьих нет Нелидова послом в Константинополе...»¹³⁷ Вероятно, на этом фоне общей неприязни не только к грекам, но и к русскому посольству в Константинополе В.Н. Хитрово считал К.Д. Петковича «каменной стеной» для Палестинского общества на Востоке.

Специфические недостатки, определенные социокультурным контекстом, этническим происхождением, политическими взглядами, принадлежностью к характерной дипломатической среде Российской империи, представляются порой более актуальными и плодотворными для понимания проблем российской политики в регионе, чем сугубо комплиментарные панегирики.

Отмеченные черты были характерны для всего консульского корпуса России в регионе. Явное влияние этнической принадлежности было заметно в оценках К.М. Базили, внутриведомственные конфликты сопровождали служебную деятельность двух «сирийских князей» (как их называл И.Ю. Крачковский) А.А. Гагарина и Б.Н. Шаховского, надменность и снобизм отличали даже выходца из духовного сословия А.П. Беляева, востоковедная подготовка отсутствовала у А.А. Гагарина, а зависимость от драгоманов была общей болевой точкой всех консулов в Бейруте и Дамаске перед Первой мировой войной. Вопрос о том, как оказывать помощь Антиохийской церкви, стоял как перед митрополитом Филаретом (Дроздовым) в середине XIX в., так и перед Б.Н. Шаховским в начале XX в. (и более того, вновь возник во времена СССР в 1958 г. при патриархе Феодосии VI Абурджели).

¹³⁶ Это отражалось и на перипетиях русской церковной политики на Востоке. Вот как в письме К.П. Победоносцеву описывает свои отношения с послом в 1897 г. В.Н. Хитрово: «Я бы только улыбнулся, если бы он только выразил свои опасения, это только незнание дела, но там были высказаны опасения, что я буду интриговать против избрания Фотия из личных с ним счетов, а это уже клевета. Свергнуть Фотия и посадить Никодима, было как известно Вашему Высокопревосходительству, не мое дело, а дело Нелидова, допустившего пятилетнюю ссылку Фотия на Синай, опять не дело моих личных счетов, а Нелидова, наконец не я, а Нелидов не допустил Фотия» (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 253. Оп. 1. Д. 82. Л. 46).

¹³⁷ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 82. Л. 15 об.

Таким образом, фигура К.Д. Петковича не являет собой исключения, скорее наоборот, представляет образ типический. Черты пассивности и консерватизма, покровительство православному населению, отторжение революционных идей и игнорирование свершившейся Нахды, подчеркнутая дистанцированность от жизни улицы как в ее общественно-политическом, экономическом, так и культурном проявлении. С другой стороны, верноподданнический монархизм, дух патриотизма и неприятие Запада, сочувственное отношение к Османской империи, ставшей жертвой европейского влияния. В четвертьвековой карьере К.Д. Петковича как в капле воды отражаются основные характеристики российской имперской дипломатической службы на Леванте.

Осмысляя накопленный опыт и пытаясь ответить на вопрос, почему не сложилось более эффективной системы, можно выделить главное — недостаток практической работы «в поле»: от экономики, геологоразведки до археологии и разведки в военном смысле, грань между которыми в конце XIX в. была подчас трудноуловима.

REFERENCES

1. *Cunningham A.* The Dragomans of the British embassy at Constantinople / Eastern Questions in the 19th century: Collected essays (Ed. by E. Ingram). Vol. 2. London, 1993. 272 p.
2. *Dmitrievskiy A.A.* Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo i ego deyatel'nost' za istekshuyu chetvert' veka (1882–1907). Istoricheskaya zapiska, sostavlennaya po porucheniyu Soveta Obshchestva professorom A.A. Dmitrievskim [The Imperial Orthodox Palestine Society and its activities over the past quarter of a century (1882–1907). Historical note compiled on behalf of the Society Council by Professor A.A. Dmitrievsky]. Vyp. 1. St. Petersburg, 1907. 332 s.
3. *Goncharova E.B.* Moy praded K.D. Petkovich: prosvetitel', diplomat, issledovatel' slavyanskikh stran i Blizhnego Vostoka [My great-grandfather K.D. Petkovich: Educator, diplomat, researcher of Slavic countries and the Middle East]. St. Petersburg, 2013. 39 s.
4. *Gorbunova N.M., Smilyanskaya I.M.* Rossiyskiy diplomat i issledovatel' Blizhnego Vostoka i Balkan K.D. Petkovich [Russian diplomat and researcher of the Middle East and Balkans K.D. Petkovich] // Vostochniy arkhiv. 2008. № 18. S. 27–34.
5. *Groiss A.* Religious particularism and National integration: Changing perceptions of the political self-identity among the Greek-Orthodox Christians of Greater Syria, 1840–1914 (Ph.D. thesis). Princetone University, 1986. 208 p.
6. *Kopot' E.M.* «Tripoliyskaya tserkovnaya rasprya» (1887–1890) v kontekste russkogo vliyaniya. V antiokhiyskom patriarkhate v kontse XIX v. (po materialam AVPRI) [«Tripoli Church Feud» (1887–1890) in the context of Russian influence. In the Patriarchate of Antioch at the end of the 19th century (Based on materials of AVPRI)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Vostokovedenie. Ser. 13. 2012. № 4. S. 83–94.
7. *Krymskiy A.E.* Istoriya novoy arabskoy literatury (XIX — nachalo XX veka) [History of new Arabic literature (XIX — early XX centuries)]. Moscow, 1971. 794 s.

8. *Krymskiy A.E.* Pis'ma iz Livana (1896–1898) [Letters from Lebanon (1896–1898)]. Moscow, 1975. 342 s.
9. *Laguzova N.A.* Shkol'naya deyatelnost' Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v 1905–1914 gg. [School activities of the Imperial Orthodox Palestine Society in 1905–1914] // Ierusalimskiy Pravoslavnyi seminar. Vyp. 3. Moscow, 2012. S. 121–158.
10. *Lisovoy N.N.* M.A. Cherkasova i shkoly Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Beyrute / Smilyanskaya I.M. (otv. red.). Vsmatrivayas' drug v druga... Rossiya i arabskiy mir: vzaimnoe vospriyatie (Sbornik statey) [M.A. Cherkasov and the school of the Imperial Orthodox Palestine Society in Beirut / Smilyanskaya I.M. (responsible editor). Peering into each other... Russia and the Arab world: Mutual perception (Collection of articles)]. Moscow, 2013. S.430–463.
11. *Nikodimova G.* Tri dokumenta, sverzani s zhiznenie pet na belgarskiya vrozhdzenets Konstantin Petkovich [Three documents related to the life of the Bulgarian born Konstantin Petkovich] // Ezikov svyat – Orbis Linguarum. 2018. № 1. S. 97–101.
12. Perepiska Konstantina Mikhaylovicha Bazili i Andrey Nikolaeovicha Murav'eva (1839–1852) / Podgot. teksta I.Yu. Smirnovoy [Correspondence between Konstantin Mikhailovich Basili and Andrei Nikolaevich Muravyov (1839–1852) / Prepared by I.Yu. Smirnova] // Pravoslavnyi Palestinskiy sbornik. Vyp. 103. Moscow, 2005. S. 43–103.
13. *Petkovich K.D.* Chernogorets Marko Martinovich, obuchayushchiy russkikh boyar (prislannykh Petrom Velikim v Venetsiyu) moreplavaniyu i politicheskim naukam [Montenegrin Marko Martinovich, teaching Russian boyars (sent by Peter the Great to Venice) navigation and political sciences] // Morskoy sbornik. 1863. № 6. S. 23–26.
14. *Petkovich K.D.* Istoricheskiy ocherk serbskoy pravoslavnoy obshchiny v Raguze [Historical sketch of the Serbian Orthodox community in Ragusa] // Russkaya beseda. 1859. № 3. Kn. 15. S. 1–20.
15. *Petkovich K.D.* Livan i livantsy. Ocherki nyneshnego sostoyaniya avtonomnogo Livanskogo general-gubernatorstva v geograficheskom, etnograficheskom, ekonomicheskom, politicheskom i religioznom otnosheniyakh. Zapiska gen. konsula v Beyrute K. Petkovicha [Lebanon and the Lebanese. Essays on the current state of the autonomous Lebanese General Government in geographical, ethnographic, economic, political and religious terms. Note from Gen. Consul in Beirut K. Petkovich]. St. Petersburg, 1885. S. 97–270.

16. *Porfiriy (Uspenskiy), arkh.* *Kniga bytiya moego* [The book of my existence]. Ch. IV. St. Petersburg, 1886. 470 s.
17. *Pravoslavie i Pravoslavnye* [Orthodoxy and Orthodox] // SIPPO. St. Petersburg, 1887. S. 111–119.
18. *Puteshestviya iz Veny v Moskvu v 1665 g.* / Per. s serb. K.D. Petkovicha [Travels from Vienna to Moscow in 1665 / Transl. from Serbian by K.D. Petkovich] // *Russkiy vestnik*. 1869. T. 83. № 9.
19. *Valeev R.M., Valeeva R.Z., Vasilyuk O.D., Kirillina S.A., Martynov D.E., Khayrutdinov D.R.* *Neopublikovannye pis'ma A.E. Krymskogo A.N. Veselovskomu iz Beyruta (1897 g.)* [Unpublished letters from A.E. Krymsky to A.N. Veselovsky from Beirut (1897)] // *Vostochnyi arkhiv*. 2021. T. 43. № 1. S. 28–37.

Ключевые слова:

К.Д. Петкович, С. Шахаде, Герасим (Яред), М.А. Черкасова,
Большая Сирия, Антиохийский патриархат, православные арабы,
Россия и Православный Восток.

Evgeny M. Kopot'

K.D. PETKOVICH: «RUSSIA HAS SIGNIFICANT INTERESTS IN SYRIA...» QUARTER OF A CENTURY AS THE CONSUL GENERAL IN BEYROUTH (1869–1896)

In Russian historiography, K.D. Petkovich is presented as an outstanding diplomat and explorer of the Middle East. Involvement of The Russian State Historical Archive, The Foreign Policy Archive of the Russian Empire, The Russian State Military Historical Archive, The Department of Manuscripts of the National Library of Russia, documents chronologically covering the entire K.D. Petkovich period of service in Beirut (1869-1896) makes it possible to significantly supplement this characterization by highlighting the main problems of the Russian consular service in Greater Syria. K.D. Petkovich came from a wealthy Bulgarian family, which predetermined his view of the Greco-Arab conflict. He had no training in oriental studies, but at the same time, during his 27 years in office, he showed no interest in learning the Arabic language. For a long time, K.D. Petkovich did not visit the interior of the country, spending almost all his time in Beirut and Lebanon. Over time, the Consul General found himself completely in the hands of his dragomans from the Shahade family. The social position of a real state councilor was expressed in the arrogant nature of relations with Russian subjects and distancing from the local population. K.D. Petkovich diplomatic activity bore the imprint of the ethnic and social origin and was also subject to the negative influence of the institute of the dragomanate.

Key words: K.D. Petkovich, S. Shahade, Gerasim (Yared), M.A. Cherkasova, Greater Syria, Patriarchate of Antioch, Ortodox Arabs, Russia and the Orthodox East.

Evgeny M. Kopot' – Senior Lecturer, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (MPGU).

Копоть Евгений Михайлович

старший преподаватель Института истории и политики МПГУ,
ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет